Кое-какие заметки о ничтожестве

Говард Филлипс Лавкрафт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Краткая автобиография автора, охватывающая период от рождения до 1933 года.

•

Кое-какие заметки о ничтожестве
Г.Ф. Лавкрафт, 1933 год
Из сборника "Beyond the Wall of Sleep", Arkham House, 1943

Для меня главная сложность при сочинении автобиографии - это найти, о чем же все-таки написать. Мое существование всегда было тихим, ровным и ничем не примечательным; на бумаге оно в лучшем случае должно смотреться прискорбно пресным и унылым.

Я родился в Провиденсе, Р.А. (где, за вычетом двух незначительных перерывов, с тех пор и жил), 20 августа 1890 года; происходя от старого род-айлендского рода со стороны матери, а по отцовской линии - от девонширцев, с 1827 года проживавших в штате Нью-Йорк.

Интересы, что привели меня к литературе о необычном, сложились очень рано - сколько я себя помню, меня всегда очаровывали странные идеи и истории, древние предметы и пейзажи. Ничто и никогда, похоже, не пленяло меня сильнее, чем мысль о каком-нибудь причудливом нарушении скучных законов Природы или о чудовищном вторжении в знакомый нам мир чего-то неведомого, явившегося из бескрайних бездн пространства.

Когда мне было года три, я жадно вслушивался в обычные детские сказки о феях и волшебниках, и "Сказки" братьев Гримм стали одной из первых книг, что я прочел - в возрасте четырех лет. Когда мне было пять, меня пленили сказки "Тысяча и одной ночи", и я часами изображал араба, называя себя "Абдулом Альхазредом" - некий добрый старец посоветовал мне это как типично сарацинское имя. Правда, лишь много лет спустя я додумался отправить Абдула в восьмой век и приписать ему ужасный и запретный Некрономикон!

Но не только книги и легенды владели моей фантазией. Крутые, тихие улицы родного города, чьи колониальные дверные проемы под веерообразными окошками, мелко-застекленные оконца и изящные георгианские колокольни доныне полны живым очарованием восемнадцатое века, таили в себе волшебство, тогда - да и сейчас почти неизъяснимое. Особенно

мучительно волновали меня закаты над морем городских крыш, расстилающимся под склонами высокого холма. Не успел я оглянуться, как восемнадцатый век поработил меня - даже сильнее и надежнее, чем героя "Площади Беркли"; так что я привык коротать время на чердаке, корпея над книгами с длинным S, изгнанными из библиотеки на нижнем этаже, и бессознательно усваивая стиль Поупа и д-ра Джонсона как естественный способ выражения. Эту поглощенность вдвойне усугубляло мое скверное здоровье, из-за которого мои визиты в школу были редкими и нерегулярными. В результате мне стало неуловимо неуютно в современности, а время я в итоге начал воспринимать, как нечто мистическое и зловещее, таящее в себе великое множество непредсказуемых чудес.

Природа столь же остро волновала мое чувство фантастического. Наш дом стоял неподалеку от того, что в то время было краем городской застройки, так что я был не менее привычен к всхолмленным полям, каменным стенам, гигантским вязам, приземистым фермерским домам и темным лесам деревенской Новой Англии, чем к старинным городским видам. Этот меланхоличный, девственный пейзаж, казалось, был наполнен неким громадным, но невнятным смыслом, а над некоторыми темными лесистыми ложбинами близ реки Сиконк словно бы витала аура странности, не лишенной смутного ужаса. Они являлись мне в снах - особенно в кошмарах, включавших черных, крылатых, гибких как резина существ, которых я окрестил "полуночниками" [night-gaunts].

Когда мне было шесть, популярные детские издания познакомили меня с мифологией Греции и Рима, и я был глубоко ею впечатлен. Я бросил быть арабом и стал римлянином - кстати, восприняв древний Рим со странным чувством близости и узнавания, лишь немногим более слабым, чем похожее чувство к восемнадцатому столетию. В каком-то смысле, два этих чувства были единым целым; ибо, разыскивая творения классиков, из которой были взяты те детские рассказики, я по большей части находил их в переводах конца семнадцатого или восемнадцатого века. Толчок, полученный воображением, был- колоссален, и какое-то время я действительно верил, что краем глаза вижу фавнов и дриад в определенных почтенных рощах. Я завел привычку строить алтари и приносить жертвы Пану, Диане, Аполлону и Минерве.

Примерно в том же возрасте таинственные иллюстрации Густава Доре - увиденные в -Данте, Мильтоне и "Древнем мореходе" - мощно поразили мое воображение. Впервые я попытался взяться за перо - самой ранней вещью, что я могу

припомнить, был рассказ о жуткой пещере, сотворенный в возрасте семи лет и названный "Благородный соглядатай". Он не сохранился, хотя я все еще владею двумя уморительно младенческими рассказиками, датированными следующим годом - "Таинственный корабль" и "Загадка могилы", чьи заголовки достаточно наглядно показывают направление моих интересов.

Примерно в восемь лет мной овладел сильнейший интерес к наукам, который, несомненно, вырос из разглядывания загадочного вида изображений "Философских и научных инструментов" в конце "Полного словаря Вебстера". Первой стала химия, и вскоре у меня была пресоблазнительная маленькая лаборатория в подвале родного дома. Затем настал черед географии - причудливой и жутковатой зачарованности Антарктическим континентом и другими далекими, неторенными царствами чудес. Наконец, мне открылась астрономия - и после двенадцатого дня рождения зов иных миров и невообразимых космических просторов надолго заглушил все остальные интересы. Я печатал на гектографе маленькую газету под названием "Род-Айлендский Журнал Астрономии" и в конце концов - в шестнадцать - прорвался с материалами по астрономии в настоящую периодическую печать, раз в месяц обогащая статьями о текущих астрономических феноменах местную ежедневную газету и заполняя более пестрой смесью еженедельные сельские листки.

Тогда же, в средней школе - которую мне удавалось посещать с некоторой регулярностью - я впервые стал придумывать страшные истории, отличающиеся хоть какой-то серьезностью и связностью. Они по большей части были хламом, и в восемнадцать я уничтожил целую их кучу; но пара-тройка, вероятно, приближалась к среднему бульварному уровню. Из них из всех я сохранил только "Зверя в пещере" (1905) и "Алхимика" (1908). На этом этапе большую часть моего непрерывного, беспорядочного чтения составляли труды научные и классические, а истории о потустороннем занимали сравнительно малое место. Наука убила мою и истина в то время увлекала меня сильнее, чем мечты. По мировоззрению я до сих пор механистический материалист. Что до чтения - я самым беспардонным образом мешал науку, историю, традиционную литературу и мистику с откровенно инфантильным вздором.

Но и без всего этого чтения и сочительства у меня было очень отрадное детство: первые годы жизни - оживлены игрушками и вылазками на улицу, а долгий промежуток после десятого дня рождения - заполнен продолжительными, хотя и поневоле недалекими, прогулками на велосипеде, что близко

познакомили меня со всеми живописными и волнующими воображение сторонами новоанглийской деревни и сельской местности. Я вовсе не был каким-то там отшельником - несколько шаек местной детворы числили меня в своих рядах.

Здоровье помешало мне посещать колледж; но неформальные домашние занятия и влияние исключительно ученого дядюшки-врача помогли избавиться от худших последствий недостатка образования. В годы, что должны были стать университетскими, -я от науки обратился к литературе, сосредоточась на созданном в восемнадцатом столетии, чьей частью я до странного сильно себя ощущал. Сочинение страшных историй временно прекратилось, хотя я и любую мистику, какую только удавалось отыскать - включая странноватые вещицы, часто попадавшиеся в дешевых журнальчиках вроде "The All-Story" и "The Black Cat". Писал же я преимущественно стихи и статьи - беспросветно никудышные и ныне надежно спрятанные и преданные вечному забвению.

В 1914 году я открыл для себя и присоединился к Объединенной Ассоциации Любительской Прессы, одной из нескольких общенациональных организаций литературных новичков, публикующих собственные газеты, которые все вместе образуют крохотный мирок полезной обоюдной критики и поддержки. Пользу от этого братского кружка едва ли можно переоценить, ибо соприкосновение с другими участниками и критиками чрезвычайно помогло мне, позволив избавиться от наихудших архаизмов и облегчить тяжеловесность стиля. Этот мир "любительской журналистики" ныне лучше всего представлен Национальной Ассоциацией Любительской Прессы - обществом, которое я могу лишь настоятельно и искренне прорекомендовать любому начинающему автору. (За информацией обращайтесь к секретарю, Джорджу У. Трейнеру-мл., 95 Стайвесант-авеню, Бруклин, Нью-Йорк.) Именно в рядах организованного самиздата я впервые получил совет возобновить сочинительство - шаг, который я и совершил в июле 1917 года, один за другим написав "Склеп" и "Дагона" (оба позже вышли в "Weird Tales"). Знакомства, налаженные через самиздате, привели и к первой профессиональной публикации моих рассказов - в 1922 году, когда "Home Brew" напечатал кошмарный сериал, озаглавленный "Герберт Уэст, реаниматор". Более того, тот же круг свел меня с Кларком Эштоном Смитом, Фрэнком Белкнэпом Лонгом-мл., Уилфредом Б. Тальманом и другими, чьи имена позднее прогремели в царстве историй о необычном.

В 1919 году открытие лорда Дансени - у которого я взял идею вымышленного пантеона и фоновой мифологии,

представленной "Ктулху", "Йог-Сототом", "Югготом" и т.д. - придало моей творческой фантазии мощный толчок; и я выдал на-гора куда больше материала, чем когда-либо раньше или впоследствии. В то время я вообще не помышлял и не надеялся стать профессиональным писателем; но появление в 1923 году журнала "Weird Tales" открыло весьма устойчивый рынок сбыта. Произведения периода 1920 года несут на себе ощутимую печать двух моих главных эталонов, По и Дансени, и в целом чересчур грешат экстравагантностью и сгущением красок, чтобы обладать серьезной литературной ценностью.

Тем временем, после 1920 года мое здоровье резко улучшалось, и отныне мое довольно неподвижное существование начали разнообразить скромные путешествия, позволяющие свободнее удовлетворить мой жгучий интерес к древностям. Главнейшим моим наслаждением, не связанным с литературой, стал воскрешающий прошлое поиск волнующе древних зданий и пейзажей по старым колониальным городам и провинциальным дорогам старейших заселенных областей Америки, и мало-помалу мне удалось покрыть значительную территорию от восхитительного Квебека на севере до тропического Ки-Уэста на юге и красочных Натчеза и Нового Орлеана на западе. Среди моих любимых городов, помимо Провиденса, - Квебек, Портсмут в Нью-Хэмпшире, Салем и Марблхед в Массачусетсе, Ньюпорт в моем родном штате, Филадельфия, Аннаполис, Ричмонд, хранящий память о По, Чарлстон восемнадцатого века, Сент-Огастин шестнадцатого века и сонный Натчез с его головокружительно крутым обрывом и пышными субтропиками окрест. "Архэм" и "Кингспорт", упоминаемые в моих рассказах, являются более-менее переделанными версиями Салема и Марблхеда. Моя родная Новая Англия и ее вековечная, неспешная мудрость глубоко запечатлелись в моем воображении и часто различимы в том, что я пишу. В настоящее время я живу в Провиденсе, в 130-летнем доме на вершине древнего холма, где из окна над моим письменным столом открывается, приковывая взор, панорама почтенных кровель и старых ветвей.

Сейчас мне ясно, что мои литературные таланты фактически ограничены историями о мечтах и снах, о странной тени и космической "нездешности" - несмотря на мой пристальный интерес ко многим другим сферам жизни и профессиональную деятельность по редактированию обычной прозы и стихов. Понятия не имею, почему это так. Я не питаю никаких иллюзий насчет сомнительных достоинств своих рассказов и не жду, что стану серьезным конкурентом моим любимым авторам - По, Артуру Мейчену, Дансени, Алджернону

Блэквуду, Уолтеру де ла Мару и Монтегю Родсу Джеймсу. Единственное, что я могу сказать в защиту своих работ, - они искренние. Я отказываюсь механически следовать правилам массовой литературы или заполнить свои рассказы шаблонными персонажами и ситуациями, но упорно стараюсь воспроизвести подлинные чувства и впечатления - со всем талантом, который есть в моем распоряжении. Результат, возможно, скверен, но я все-таки, скорее, продолжаю стремиться к серьезному литературному выражению, чем к соответствию искусственным стандартам дешевого чтива.

Годами я пытался улучшить и облагородить свои рассказы, но так и не добился желанного результата. Некоторые из этих попыток были упомянуты в ежегодниках О'Брайена и О.Генри, а несколько - удостоились переиздания в антологиях-; но все проекты издания сборника закончились ничем. Возможно, один или два коротких рассказа скоро выйдут отдельными брошюрами. Я никогда не пишу, когда не могу быть непосредственным - выражая настроение, уже возникшее и требующее кристаллизации. В некоторые мои рассказы включены реальные сны, которые я видел. Скорость и манера, в которой я пишу, сильно разнятся от случая к случаю, но лучше всего мне работается по ночам. Среди собственных произведений мои любимцы - "Сияние извне" и "Музыка Эриха Цанна", в названном порядке. Я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу преуспеть в заурядной разновидности научной фантастики.

Я полагаю, что литература о потустороннем - серьезное поле деятельности, вполне достойное внимания лучших литераторов; хотя, тем не менее, она отражает лишь малую часть бесконечно сложных переживаний человеческого духа. Ирреальная литература должна быть достоверной и атмосферной - в своем отступлении от Природы ограничиваясь выбором одного сверхъестественного допущения и не забывая, что место действия, настроение и феномены более важны для выражения того, что должно быть выражено, чем персонажи или сюжет. "Ударная сила" действительно страшного рассказа - в неком нарушении или преодолении неприложных космических законов, в воображаемом бегстве от надоедливой реальности; а значит, по логике, феномены, а не личности - ее "герои". Ужасное, по-моему, должно быть и оригинальным - привычные мифы и легенды все слабее действуют на воображение читателя. Нынешние журнальные произведения с их неисправимой склонностью к слащавым и традиционным переживаниям, веселенькой, мажорной интонации и надуманным "крутым" сюжетам невысоко котируется. Величайшее мистическое произведение из числа

написанных - это, вероятно, "Ивы" Алджернона Блэквуда.

При переводе названия ("Some Notes on a Nonentity") я решила остановиться на варианте "ничтожество", так как это слово означает не только "крайняя незначительность", но и, согласно Далю, "небытие, состоянье уничтоженного, обращенного в ничто или не существующего".